

18+

Владимир Симонов

Мария и Иисус

роман-притча о Человеке

Владимир Симонов

Мария и Иисус. Роман-притча о Человеке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68954472

ISBN 9785005959522

Аннотация

«Мария и Иисус» – книга о Любви. В романе нет ни страданий, ни сомнений, как нет и персонажей, которые не Любят. Автор создаёт атмосферу благословительного повествования. Пронзительно искренний взгляд на притчевые библейские сюжеты не оставляет равнодушным. Роман – гимн подвигу Любить.

Содержание

от Автора, вместо вступления	5
Часть I	6
Глава 1. Первое письмо Марии	6
Глава 2. Второе письмо Марии	17
Глава 3. Третье письмо Марии	26
Глава 4. Четвёртое письмо Марии	38
Глава 5. Пятое письмо Марии	47
Глава 6. Шестое письмо Марии	53
Глава 7. Седьмое письмо Марии	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мария и Иисус

Роман-притча о Человеке

Владимир Симонов

Оксана Мурга *Литературный редактор*

Анна Симонова *Корректор*

Ольга Зорина *Корректор*

© Владимир Симонов, 2023

ISBN 978-5-0059-5952-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

от Автора, вместо вступления

Творчество —
преодоление границ собственной трусости.
Когда, переступая атавизм,
осовремениваешься Перспективой.
Себя.
Который не познан!
Себя.
Самим Собой не узанным!
Себя.
Божественного ответственностью.
Быть! Любить! Жить!
Творчество – это ответ на вопрос:
если не ты, то кто?

Часть I

Глава 1. Первое письмо Марии

*Что же могу поделать с Собой?
Если оплодотворяешь Меня...
А Я не могу не разродиться...
Новым оЧувствованием...
Новым разМышлением...
Новой Собой...
Сегодня пришёл
удивительный образ Нас...
Я плодородная, распаханная Тобой почва...
Ты Сеятель Зёрен-Слов...
Ты бросаешь Зерно...
Я его оЛюбливаю, оНеживаю,
питаю Любовью Своей...
Оно взрывается во Мне...
Разрывает плотные планы Меня,
чтобы дать пространство для ростка...
И с каждым ростком, с каждым цветком,
с каждым деревом меня становится всё меньше,
а Нас – всё больше...
Сад Любви...
Твой и Мой...*

Иисус устал. Бесконечные проповеди утомляли. Он любил время, когда после вечерней молитвы можно было лечь и расслабиться, отдаваясь во власть сна. Сердечный трепет, нисходящий в молитве, успокаивал, и Иисус засыпал мгновенно.

Ученики продолжали пассивно внимать словам Учителя, не делая ни малейших усилий подхватить и продолжить его работу. И чем больше людей тянулось к Иисусу за теплом и светом, тем большая никчемность виделась Иисусу во всех его Учениках. Кто-то приходил, другие, устав от утомительных путешествий, пропадали внезапно. Иисус принимал неизбежность потери тех, в кого были вложены Слово и Любовь. Он не сетовал на уходящих, но силы таяли. К тому же, конкретность для Учеников была обязательным условием любого элементарного контакта с пространствами, с которыми их знакомил Учитель. Иисусу не составляло труда в молитвах с Учениками формировать доступные им образы. Однако ограниченность ученического восприятия не способствовала растворению самого Иисуса, превращая священное собеседование в напряжённое проживание примитивности.

Он понимал, что истощение не позволит сделать Работу. Безднадёжность засасывала и несла глубокое одиночество.

...Ночная прохлада приятно освежала тело. Ветер с мо-

ря доносил крики чаек и волновал перспективой дыхания. Звёзды летнего неба открывали глубину, приглашая в Тайну.

Весь день Иисус ждал подтверждения знаков, проявленных сном. Сейчас, к вечеру, после утомительного дня, пришло расслабленное и спасительное безразличие.

Просыпаясь, он обычно не был обременён ни видениями, ни воспоминаниями. Вчерашнее исчезало бесследно, и каждый раз после ночи он пробуждался обнулённым до такого состояния, что иногда утром стоило некоторых усилий вспомнить имена Учеников. Чтобы восстановить в памяти события предыдущих дней, ему необходимо было расспросить кого-либо. Иуда часто помогал вспомнить и имена, и события. Тем чудеснее для Иисуса была абсолютность знания видений прошлой ночи...

...Свет, яркий свет заполнял пространство. Волнительные вибрации пронизывали спящее тело

Иисуса, — казалось, к нему подключили удивительные энергии, позволяющие наблюдать фантастическую картину сна как восхитительную реальность.

Свидания с Богом случались неоднократно. Иисусу были знакомы все стадии открытия Господа: вначале сердце трепетом предсказывало прозренческое путешествие, затем волнение перетекало в торжественную радость сопричастности, и важно было не испугаться открывающейся бездны. Пристальный Взгляд вдохновлял необыкновенно, наполняя священным таинством Соприкосновения...

Никогда днём Отец Небесный не приходил к Сыну Своему откровенным присутствием. Только ночные встречи давали Иисусу представление о Мощи и Безмерности Господа: лишь во сне, казалось, Богу не было никакой необходимости прятаться за словами. Его невозможно было предугадать. И как ни старался Иисус осознанно фиксировать события, предваряющие Встречу, Господь всегда являлся неожиданно:

– Как ты?

– Плохо...

– Что случилось, Любимый?

Иисус привык к тому, что в течение таких Встреч глупо было рассчитывать на соучастие или сострадание. Но Разговор всегда позволял самостоятельно распутать им же самим запутанные пути осознания реальности.

– У меня ничего не получается, – Иисус почувствовал, как безнадёжно устало звучит его голос.

– А ты не мог бы объяснить, что тебя огорчает?

– Мои проповеди не делают людей счастливыми, и мало кто воспринимает призывы к счастью как вдохновение на реальные действия. Многих просто занимает лицемерие так называемых чудес, которые приходится совершать для привлечения внимания... Чувствую себя обманщиком, потому что за минуту мог бы научить любого сотворению подобных чудесностей. Но и Ученики мои, и те, кто слушают проповеди, менее всего заинтересованы в прозрении. Им важнее

свидетельствовать мои мнимые подвиги, воспринимая слова проповедей как развлечение.

– А чего ты ждал? На что рассчитывал, когда вернулся в Иудею и начал проповедовать людям? Разве не предполагал, что они невежественны в основе своей и им вряд ли потребны слова о счастье больше, чем лишние монеты в их кошельках?

– Но Ты их создал такими, Господь! И не в моём праве осуждать Твоё творение... Я не сетую на людей! Я разочарован в себе, в неспособности пробудить в них интерес к Слову о Тебе...

Господь с удивлением рассматривал Иисуса. По крайней мере, сквозь сон тело чувствовало пристальный Взгляд, чуть насмешливый и строгий одновременно. Глаз за сиянием видно не было, как и одеяний, но Иисус мог угадывать очертания Любимого Отца Небесного, которому поклонялся неистово и служил преданно и самозабвенно.

Самое неприятное как раз и было в разрыве между потребностью нести Слово Господа и несостоятельностью в пророждении новейшего себя. А прежний, старый Иисус явно умирал, и времени на Рождение оставалось с каждым днём всё меньше и меньше. Страх не успеть расстраивал Иисуса, парализуя его и сковывая.

– Ты боишься не успеть? – поинтересовался хитро Бог. – Но кто или что тебя подгоняет? Почему ты форсируешь события и навязчиво насилуешь самого себя мыслью о неудаче

собственной миссии? Ты помнишь своё посвящение в монастыре? Вспоминаешь слова Учителя о Знании тобой пути? Откуда же сомнения, родной?

...Иисус не был близок со своим отцом. В детстве он редко видел его, потому что тот много работал и обычно приходил домой поздно, когда маленький мальчик уже спал, а уходил рано. Иисусу было около девяти лет, когда отец начал понемногу приобщать его к плотницкому ремеслу, не нагружая, впрочем, тяжёлой работой. Тем не менее, мать продолжала оставаться единственным надёжным другом, и ближе у него никого не было до той поры, когда он впервые услышал и увидел Господа...

Однажды, когда он играл с мальчишками недалеко от дома, к ним направился незнакомец и тихо спросил:

– Кого из вас зовут Иисусом?

Все указали на смутившегося друга.

– Чего ты смущаешься? – поинтересовался прохожий. – Мне нужно сказать тебе несколько важных слов.

Он обнял Иисуса за плечи и отвёл в сторону от друзей. Мальчишки с завистью поглядывали на них, в то же время демонстрируя показное равнодушие к происходящему.

– Ты любишь синагогу? – спросил вдруг человек.

– Я был там всего один раз... – честно признался маленький Иисус.

– А что тебе показалось странным?

– Мама почему-то не могла быть вместе с нами, со мной

и папой... Меня это испугало...

– Что ты знаешь о Боге?

Лицо мальчика вытянулось от удивления, отчего мужчина рассмеялся, а затем легко и ласково провёл рукой по его голове:

– Тебя смущает вопрос?

– Нет, хотя и не понимаю, что отвечать...

– А ты отвечай как Знаешь. Что для тебя Бог?

– Бог – это... это... Я должен спросить у мамы!..

– Как зовут твою маму?

– Мария! Мою маму зовут Мария, и мы живём в этом доме! – Иисус ткнул пальцем в небольшой домик, от которого, несмотря на очевидную бедность, исходило умиротворение. Ощущалось, что в доме любовь и терпимость были доминантой поведения его обитателей.

Вопрос о матери был для Иисуса проще других, что читалось по его возбуждению и радостной улыбке.

– Передай ей громадный Привет! Она узнает моё Приветствие, только расскажи подробно о нашей беседе...

Самым поразительным тогда стало исчезновение незнакомца: он чуть отошёл, взмахнул рукой, прощаясь, и... тотчас растаял. Иисус изумлённо оглянулся, надеясь, что мужчина незаметно перешёл на другую сторону улицы. Но нет, странный гость исчез таинственно, как и появился.

– Вы видели?! – спросил он у друзей, вернувшись после беседы.

– Что «видели»? Куда ты запропастился? Мы же договорились!

– Ну, вы же видели?! Я разговаривал с ним!

– С кем ты «разговаривал»? – передразнил его лучший друг Мойша.

– Ну, вы же видели... – он вдруг понял: они не помнили происшедшего.

Когда он передал маме Марии привет от незнакомца, она странно побледнела и испуганно спросила о том, где он сейчас.

– Ушёл... Правда! Мама, разве человек может просто раствориться в воздухе? Я видел, как он исчез мгновенно...

– Этот человек может всё! Потому что он не человек.

– А кто?!

– Бог! – торжественно ответила мать. – К тебе приходил Господь, твой Отец Небесный!

Иисус запомнил и встречу с незнакомцем, и торжественно-почтительное выражение лица мамы. Одного он не мог утверждать точно: не приснилась ли ему встреча. Мама отказывалась говорить на эту тему. Отец вообще был далёк от детских переживаний. История так бы и осталась незаконченной, если бы позже, почти через пятнадцать лет, незнакомец сам не напомнил Иисусу о Встрече во время одной из медитаций с Учителем в монастыре.

Но уже задолго до этого к Иисусу, благодаря матери, пришло иное понимание слова Отец. Он проникся священ-

ной трепетностью торжественного настроения пред восхитительным величием и таинственностью Господа...

– Так что же ты боишься не успеть, Любимый? – Бог торопил с ответом, провоцируя и вдохновляя одновременно.

Иисус был знаком с учительской техникой, поощряющей ученическую активность. Он и сам часто использовал её в работе со своими Учениками. Правда, чаще всего безуспешно, потому что кроме Иуды мало кто провоцировался на поиск ответа собственными вопросами.

– Я боюсь не успеть донести Весть! – обдумывая каждое слово, произнёс Иисус.

– Весть о чём? – не унимался Господь.

– О Тебе! – тихо, но упрямо ответил Иисус.

– Обо мне? Весть?

– Да, о Тебе! Люди не знают Тебя, пользуются какими-то глупыми сказками...

– Но почему ты решил, что людям нужны твои рассказы обо Мне? Разве Я не сотворил каждого по образу и подобию? Разве, в таком случае, не каждый Бог? Почему ты должен им об этом рассказывать? А может быть тебе их слушать необходимо, а, Любимый?

При всей строгости вопрошания Голос Господа звучал ласково, вызывая на Откровенность.

– Да, Господь! Конечно, Отец Мой Небесный! Ты абсолютно прав, ибо Бог, и преклоняюсь в беспредельном смирении пред Величием, Мудростью и Терпимостью Твоими.

Только... если бы... когда бы удалось объяснить каждому, рассказать об их божественности, они бы прозрели... И увидели в одно мгновение, что корысть и жадность не ведут к Тебе. Тогда как доброжелательность и сострадание друг к другу выводят на дорогу Сотрудничества и Соперетекания с Тобой, Господи!

– Да, чувствую твою усталость... Но праведные пути не утомляют. А если устал – время уйти в Молитву. И в Тишине смогу намекнуть о некоторых Истинах, которые потом тебе самому и постигать в реальности. В ближайшее время сможешь пообщаться со Мной, но не во время утренних или вечерних молитв, а в течение нескольких дней, недель? Тебе это будет полезно, но...

– Что, Господь? Что Ты хочешь подсказать?

– Ты должен прийти ко Мне не один! А с тем, кто сможет вдохновиться на Подвиг Слова в дальнейшем.

– Это мой друг, Сотрудник и Ученик Иуда?

– Ты сам должен определить. В зависимости от выбора и уточнится время нашей Встречи, договорились?

– Да, Любимый Господь! Да, Огонь Сердца Моего!

Да, да, да, Отец Мой Небесный!

Ни я, ни я, но Ты, Ты, Ты...

*Ни мой мир и мои мысли,
но Твой Мир и Твои Мысли...*

*Ни я в Тебе, наполняющий Тебя и собою, и своим,
но Ты во мне и Я в Тебе,*

и только тогда Мы —

Ты и Я —

слиты воедино!

Адонай, Истар, Аллилуйя, Аминь!

Глава 2. Второе письмо Марии

Любимый Мой...

В благоговейной молитвенности

склоняюсь к Твоим Ногам...

Прикасаюсь губами к Твоим Стопам...

Замирая, затаив дыхание,

окутываю Себя Потоком Твоим...

И благодарю, благодарю,

благодарю все Силы Вселенной...

Спасибо, Спасибо, Спасибо, Родные и Любимые...

За Чудо, которое есть Моя Жизнь...

Бог Мой...

Вдохновляющий... Любящий...

Так, как никто не может ни Вдохновлять,

ни Любить...

Твоё Слово благословительным дождём

проливается в Меня...

Наполняет Чашу лучистым нектаром Радости...

Твой Гений не может не потрясать...

Никогда не могла себе представить,

что когда-нибудь смогу так близко

соприкоснуться с фантастическим проявлением

божественной благословительности...

Любимый...

Спасибо.

Спасибо.

Спасибо.

Благословлён Ты Богом,

Любовью, Красотой, Женищиной...

И в Лучах Света Твоего

благословляюсь Я...

Иисус задумчиво сидел в углу комнаты. Выражение лица выдавало необычное напряжение. Иуда знал, что в такие минуты Учителю важно побыть одному. Он бдительно охранял покой, не позволяя никому из Учеников не то чтобы приставать с вечными глупыми вопросами о Царстве Небесном и о поощрении, которое они зарабатывают, пребывая вместе с Иисусом, но и даже входить в комнату.

Тем не менее, Иуда не мог оставить без реакции знаки Петра, заговорщицки обращающего на себя его внимание. Ученик вышел. За дверью послышались голоса, впрочем, не раздражающие Иисуса. Спустя какое-то время Иуда вернулся. Приблизившись к Учителю и убедившись, что тот сидит с открытыми глазами, окликнул его тихим голосом:

– Иисус... Ты можешь говорить?

– Да, Любимый... Конечно, могу, – Иисус знал преданность Иуды и ценил его опеку, никогда не переходившую тонкой грани между подобострастием и рабством. Он умудрялся всегда держать необходимую дистанцию с Иисусом, не приближаясь до навязчивости, но и пребывая всегда бли-

же других Учеников к Учителю. Одному Иуде позволялось быть с Иисусом в моменты подобных длительных раздумий.

– Тебя спрашивает какая-то женщина! Впрочем...

– Что за женщина? Почему так поздно?

– Её зовут Мария. Я знаком с нелестной репутацией, сопровождающей её в Иерусалиме... Возможно, тебе не стоит с ней встречаться?

– А разве ты можешь разделять людей на тех, в ком Бог есть, и тех, кто Бога лишён? – улыбнулся Иисус. – Конечно, мой вопрос риторический... И есть только два человека, с которыми сейчас точно знал бы, как себя вести... Цезарь и Женщина. С Цезарем не надо говорить, потому что он и сам всё расскажет, просто не даст открыть рот, умничая... А с Женщиной... Женщине говорить ничего не надо, потому что... Женщина! Как зовут нашу незнакомку, Мария? Как мою маму... Пригласи её. Не думаю, что она пришла просто так в это позднее время. Предполагаю, что важное для меня известие заставило её преодолеть страх темноты. Чем мы можем её угостить, мой Любимый Иуда? Зови.

Иуда вышел. За дверью вновь слышались приглушённые голоса. Иисус не мог разобрать слов, но мужской голос звучал монотонно и настойчиво. Он что-то внушал невидимому собеседнику. Женский голос отвечал односложно и спокойно. Затем Иуда распахнул дверь и пропустил в комнату женщину, однако не стал входить вслед за ней.

В первое мгновение Иисус изумился яркому свету, оку-

тывающему изящную женскую фигуру. Мария откинула капюшон своего одеяния, и Иисус не мог скрыть восхищения при виде изумительных, горящих неведомым огнём, глаз.

Мария восторженно рассматривала улыбающегося Иисуса.

– Здравствуй, Мария! – произнёс Учитель. – Рад тебя видеть... Но в столь поздний час не могу не спросить: что привело к нам, какая тревога заставила пренебречь собственным покоем?

Мария заворожено впитывала слова Иисуса. Она открывала и закрывала рот, но не могла произнести ни звука. Её молитвенное состояние наполнило комнату торжественностью, и Иисус почувствовал спокойствие и напряжённость момента.

– Ты хочешь помолиться? – спросил он.

Женщина молча кивнула.

Они встали на колени, и Иисус прочёл молитву. Мария повторяла слова вслед за Учителем. После молитвы Учитель помог ей подняться и пригласил присесть. Сам он расположился напротив и с интересом стал рассматривать лицо неожиданной гостьи.

Мария не отводила взгляда, нисколько не смущаясь от пристального внимания Учителя.

– Ты кто? – тихо спросил Иисус. – Откуда и почему пришла? Расскажи!

Мария встряхнула головой, словно приходя в сознание,

и поправила волосы:

– Можно мне попросить воды?

Её слова рассыпались по комнате маленькими хрустальными бусинками, издавая лёгкий мелодичный звон.

– Конечно, можно! Иуда! Иуда, принеси, пожалуйста, воды для нашей гостьи, – попросил он.

Иуда принёс чашу с водой, лепёшки и вышел. Мария выпила и изящно промокнула влажные губы. Иисус невольно залюбовался красотой молодой женщины.

Высокий лоб и открытый взгляд чуть раскосых голубых глаз характеризовали её как искреннюю и прямую натуру. Высокая шея, переходящая в нежный овал плеч, небольшая грудь, скрываемая небрежно наброшенной накидкой, изящные руки и маленькая ножка показались Иисусу нереальными.

Он давно не видел Женщину так близко. В продолжение бесконечных проповедей некогда было

обращать внимание на пол собеседников. Тем более он привык к тому, что в большинстве своём его слушали мужчины, а изредка присутствовавшие среди них женщины не выделялись ни репликами, ни вопросами. Иисус привык к их молчанию, оно не казалось ему чем-то необычным.

Сейчас, когда аромат, исходящий от Марии, наполнил комнату, Иисусу захотелось во что бы то ни стало разговорить гостью, услышать от неё нечто, что поможет ему разгадать какую-то тайну.

Если бы кто-нибудь мог в ту минуту расспросить Иисуса, попросить объяснить, откуда в нём вызрела мысль, что эта женщина пришла с Вестью, то им вряд ли был бы получен здравый ответ. Учитель всемерно доверял интуиции. В то же время, ощущение ауры собеседницы трансформировало намёки в абсолютное знание.

– Меня прислал мой хозяин, – произнесла вдруг Мария. Она смущённо отвела взгляд и добавила: – Он хотел узнать, где ты будешь проповедовать завтра и в последующие дни.

Обман был настолько очевиден, что Иисус отреагировал спокойно:

– Ты уверена, что именно за этим пришла так поздно? Не знаю, что тебе ответить, ибо сам не ведаю, где будем завтра, тем более, куда мы попадём послезавтра.

Его глаза потускнели, было видно, что он расстроился, и обман Марии принёс ему привкус тоски.

Мария опомнилась:

– Учитель, Любимый, прости меня! Я соврала...

Взгляд Иисуса не выражал тревоги, но и поощрительная лёгкость растворилась. Он внимательно смотрел на Марию. В это мгновение показалось, что Иисус знал больше, чем она сама и о цели прихода, и о проблемах, и обо всём другом, что ещё не пришло, не проявилось. Но как могла Мария объяснить Учителю, что её привела именно жажда чувствовать этот его взгляд, купаться в доверительной близости, слушать и слушать без конца слова, которые действова-

ли на Марию, словно прекрасный напиток, не позволяя размышлять, но наполняя сердце безмерной Любовью к миру, к Себе, к Иисусу.

Её привела Любовь! Она впервые смогла сформулировать своё отношение к этому удивительному человеку, ворвавшемуся в её сердце внезапно, но так глубоко, что Мария несколько дней назад озарилась непривычным знанием о всегдашнем пребывании Иисуса в ней: таким родным и близким был этот необычный человек, сидящий сейчас напротив. Незнакомое чувство материнского сострадания вдруг нахлынуло на Марию, и она с трудом сдержалась, чтобы не прижать голову Учителя к своей груди; прижать, как защитить от чего-то, ей самой неведомого и тревожного, спрятать и согреть, укачать и охранить сон. Жажда поцелуя жаром опалила губы Марии. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, удивительным образом зная всё и не понимая ничего.

Мария почувствовала, как Иисус встал, подошёл к ней и поднял за плечи. Она легко поддалась, больше доверяя неведомому, чем осознавая происходящее. Учитель прижал её к груди и коснулся лба губами.

– Родная! – услышала она издалека голос Учителя. – Господи! Как же исстрадалась на пути своём! Как согреть, как напоить сердце Любовью, которой достойна?! Господи, как помочь тебе?! Ибо силы мои ограничены непониманием логики справедливости Твоей, Господь. Как привыкнуть

к страданиям открытого Сердца, жаждущего Любви и не находящего утешения в жизни? Как, Господи? Какими словами можно вдохновить эту Женщину, тяжело несущую непосильную ношу свою – женщины, иудейки, просто человека... Господи, помоги, одари знанием, открой сокровенное, чтобы помочь мог и ей, и другим, таким же, как и она, мучающимся предназначением... Господи, чтобы мог помочь себе самому знанием Пути, дабы не заблудился в поиске дороги к Тебе, Господь! Я не сетую, Господи, но молю о помощи... Помогите мне! Знаю милость Твою, знаю, что не оставишь на перепутье сомнений, знаю, что подскажешь Путь. Я не испугаюсь! Какой бы страшной ни оказалась ноша моя, как бы ни мрачна была перспектива служения Тебе, я не сверну с выбранного Пути, и Ты, Господь, можешь быть уверен в преданности моей... Потому что *не я, но Ты, Ты, Ты... Всегда и во всём – Ты, Ты, Ты! В дыхании и сердце – Ты, Ты, Ты. И я, что я без Тебя? И что я вне Тебя? Поэтому только в Тебе и с Тобой! Всегда и навек! Адонай! Истар! Аллилуйя! Аминь!*

Мария плохо различала слова Учителя. Окунувшись в абсолютные тепло и родность, она впервые в жизни чувствовала себя дома. Это не было стенами привычной материальности, способными неожиданно разрушаться грубым вмешательством извне. В эту восхитительную минуту Мария ощущала себя в крепости, защищённость под кровом которой была надёжной, как сама Вечность. Чудесное покровительство гарантировалось ею самой, её Любовью и нежностью,

переполняющими Марию полно и ново.

Глава 3. Третье письмо Марии

*Любимый, удивительное оЧувствование
потока новых энергий,
через предвкушение чего-то,
что должно случиться...*

*Это всё ещё на уровне каких-то тонких оЧувствований,
некристаллизованных
и неоформившихся в мысли, в слова...*

*Как проживание состояния беременности... С собой.
Когда вот-вот... ещё неизвестное, но уже Вédомое...
Когда понимаешь, что не знаешь ничего... Здесь...
И осознаёшь, что всё знаешь,
где-то Там, на других планах Себя...*

*Как Чудно!.. Пытаюсь выразить Себя Тебе словом,
потому что чувствую потребность в этом...*

А вместо мыслей... Любовные токи из Меня...

Вся обёрнута этим состоянием...

И явственно слышу и ощущаю Дыхание Любви...

*Мягкие и, в то же время, мощные движения
вдоха-выдоха..*

*Что же ещё может родить Моё Сердце, Любимый?
Сердце, трепещущее у Тебя на Ладонях...
Сердце, бьющееся Любовью в Грудь Твою...
Сердце, опоцелуенное Словом Твоим...*

В первый раз Мария увидела Иисуса на площади недалеко от базара, когда возвращалась домой с подругой. С Израэлем они встречались время от времени или для совместных прогулок, или, как в то незабываемое утро, чтобы вместе сделать покупки.

Мария вела замкнутый образ жизни и этим не тяготилась. В юном возрасте она выделялась среди сверстников весёлым и общительным нравом. Она боготворила отца, всегда с удовольствием помогала матери поддерживать чистоту и порядок в доме, в играх на улице отличалась инициативностью и признавалась друзьями незаменимым лидером. Детство было безмятежным. Мария не смогла бы припомнить и дня, в который не переполнялась светом радости и вдохновительным настроением перспективы. Девочка прекрасно танцевала, обладала незаурядным голосом и по мере взросления пользовалась всё большим и большим вниманием поклонников.

В пятнадцать лет её сосватал богатый сосед, и родители благословили брак. Мария восприняла происходящее как продолжение игры, но очень скоро в её жизнь ворвалась трагедия насилия. В первую брачную ночь муж жестоко растоптал её блаженное девичество, изнасиловав Марию, предвзвешенно избив. Его поведением демонстрировалась назидательная жестокость, подобной которой Марии до этого мо-

мента встречать не приходилось. В пятнадцать лет закончилось детство, в одно мгновение поступок мужа посвятил Марию в невыразимо несправедливую долю женщины.

Она никогда не жаловалась родителям на поведение мужа, понимая незыблемость иерархии еврейских семейных отношений. Нежность между отцом и матерью для Марии была привычной. Обращение мужа стало для неё неприятным открытием возможности грубых и унижительных отношений между людьми. Она возненавидела супруга...

Однажды ей приснился удивительный сон, после чего жизнь обрела иную реальность. Во сне к ней пришёл Ангел. Они танцевали, прыгали по облакам, летали наперегонки и целовались. Поцелуи с Ангелом были удивительно целомудренными и сопровождались розами, падающими откуда-то сверху при каждом соприкосновении губ.

Ангел не имел плоти, и, пытаясь обнять его, Мария почувствовала пустоту, в силу чего немного расстроилась, но Ангел засмеялся:

– Как же ты можешь обнять Мечту, тем более во сне?

Мария тоже в ответ засмеялась, и страх исчез. Когда они улеглись под роскошным платаном, чтобы чуть отдохнуть от прыганья, летания и пения, Мария спросила:

– Когда Ты придёшь в следующий раз?

На что Ангел ответил:

– Не знаю, это от меня не зависит.

– Как не зависит? – удивилась Мария. – Разве не Ты сам

решаешь, когда и кому являться?

– Нет, – ответил Ангел. – Моё присутствие зависит от решения Бога.

– А Ты встречаешься с Богом? – поинтересовалась Мария.

– Да, конечно! Я же работаю в его команде, – гордо подтвердил Ангел.

– Какой Он, Бог? – спросила во сне Мария.

– Божественный! – торжественно ответил Ангел. – Бог не бывает каким! Он Бог, ни с кем не сравнимый.

– А как Его увидеть? Где Бога можно встретить? – продолжала расспрашивать Мария.

Ангел рассмеялся. Его смех был таким заразительным, что невольно рассмеялась и Мария. На их хохот собрались разные звери и тоже стали смеяться, но они не могли смеяться как люди, поэтому подпрыгивали, смешно поджимая лапы, чем ещё больше веселили и Ангела и Марию. Потом прилетели птицы и устроили настоящий концерт. Главным солистом был соловей, причём необычный соловей, потому что у него была головка маленькой девочки, как у дюймовочки, а туловище птицы. Но пел он восхитительно. А хор из ворон, скворцов и синиц удивительно слаженно распевал многоголосые пассажи.

Это был такой весёлый сон, что Мария долго вспоминала его, улыбаясь каждый раз неожиданно для окружающих. Муж злился, но ничего сделать не мог: сны не управляются людьми и так же, как и ангелы, приходят по велению Бога.

А самый глупый и жестокий муж знает, что с Богом лучше не вступать в перепалку. В силу этого супруг вынужден был терпеть хорошее настроение Марии. Тем более после того, как он рассказал о происходящем раввину, и тот порекомендовал быть с женой поосторожней, чтобы не навлечь гнева Господа:

– Помни, Бог играет в команде Женщин! И пытаться выиграть у этой команды – значит испытывать шанс, равный возможности вычерпать море дырявым ведром.

Несмотря на то, что муж Марии не пропускал ни одной службы в синагоге, ему было трудно понять, о чём говорит равви. Но безмерное уважение к священнослужителю заставило проникнуться тайным смыслом слов до такой степени, что на всякий случай он перестал избивать жену. К её радости, с этого момента он не приставал к ней и с требованием исполнения супружеских услуг, находя утешение у местных проституток.

Ангел из сна помог Марии ожить. Хотя о возврате к бывшей девичьей безмятежности не могло быть и речи, тем не менее, после свиданий с Ангелом Мария чувствовала глобальные изменения в отношении к миру, к другим людям, к себе. Ей трудно было объяснить случившееся, перевести тихие и незаметные глубинные сердечные трансформации в мысли и слова. Но, с каждым приходом Ангела во сне, она обретала уверенность дыхания, вместе с открытием иной реальности.

Внешне Мария стала тише, её смех реже и реже мог по-

тревожить чопорную пустоту существования в доме нелюбимого мужа. Ликование сердца ощущалось во время прогулок вне суеты города, когда внутренний покой был полным, и ничто не мешало устремляться в полёт, теряя границу между мечтой и сейчасностью.

Однажды Ангел напомнил Марии:

– Ты как-то спрашивала, можно ли встретить Бога, помнишь?

Мария кивнула.

– Сейчас смогу тебе ответить! – торжественно начал Ангел.

– А почему только сейчас? Прошло так много времени, – тихо поинтересовалась Мария.

– Сейчас, потому что тогда, когда спрашивала, ты не была готова – слишком много ненависти держала в сердце. А непринимание и нетерпимость перекрывают потоки жизненной энергии.

– Но моя неприязнь была сконцентрирована только на муже! Я страдала от его жестокости и защищалась ненавистью от мужского хамства и невежества, – попыталась объяснить Мария.

Ангел помолчал, потом вытер слезу, скатившуюся по щеке молодой и красивой женщины, улыбнулся и сказал:

– Любимая Мария, Бога нельзя встретить, потому что ВСЁ – Бог. Никогда и ничего не бывает не-Богом. И твой муж не исключение.

У Марии моментально высохли слёзы:

– Как?! – воскликнула она, вспомнив всю глубину унижения, безграничность ничтожества жестокого, чванливого и эгоистичного мужа. – Как?! И этот мужчина тоже Бог?

– Да, – спокойно отреагировал Ангел на её возмущение. – Всё Бог, и не-Бога нет и быть не может!

– Не понимаю... – в одно мгновение опустев до изнеможения, призналась Мария. – Не понимаю...

Казалось, что не было в мире силы, которая могла бы утешить её в ту минуту.

– Любимая и родная, пожалуй, только Ангелы могут вместить всю безмерность Любви Женщины.

Поэтому и говорю с тобой, и утешаю. И не так важно, насколько сейчас понятны слова мои, важнее то, что я скажу тебе дальше... Когда спрашивала о возможности встречи с Богом, ты, вероятно, имела в виду оРеаленное общение с Господом, не так ли, Любимая?

– Да, родной Ангел, – задумчиво подтвердила Мария. – Когда я спрашивала о Боге, я мечтала о том, чтобы встретиться с ним и уговорить его забрать к Себе. Я не хотела тогда жить...

– Поэтому и невозможна была твоя встреча. Бог там, где Жизнь! В смерти Бога нет. Знаешь, почему? Потому что смерти нет.

Ангел замолчал. Во сне слышался звук падающих где-то капель. Их ритм позволил легко трансформироваться раз-

говору Марии с Ангелом в чудесный танец, когда тело вроде бы неподвижно, а сердце танцует, наслаждаясь неслышимой музыкой...

– Однажды, ни позже, ни раньше, ты встретишь Бога. И встреча будет реальной, и у тебя исчезнут вопросы. Ты узнаешь Его, Сердце подскажет! Ради этой встречи ты здесь, на Земле. Во имя свидания с Богом – все испытания, которые проходишь, и остальные, которые ещё встретятся на Пути. Но ты выдержишь! Потому что сильная и знаешь о Любви. И сумеешь в любой тьме увидеть свет её, Свет Любви. К тому времени, когда увидишь Бога, будешь знать, что нет ничего важнее для человека, чем способность Любить. Жажда Любить и быть Любимой вскроет горизонты, освещая дорогу всем другим. У тебя впереди трудный Путь! Но каким же счастьем вдохновится Сердце, когда встретишь Его! Когда Бог коснётся губами лба... Когда Молитва его переполнит настолько, что исчезнешь старой, родившись Новой, по-Новому, на Новом.

Мария зачарованно вслушивалась в тихие слова благословительного речитатива, принимая смысл абсолютно, не сомневаясь, растворяясь в фантастической перспективе, сотканной Ангелом из пространства аромата и музыки слова о Боге.

Он закрыл глаза, вздохнул и добавил:

– Но знай, впереди долгий и непростой Путь. Встреча с Богом потребует мужества влюбления в Жизнь. Предстоит

родиться Женщиной, для чего необходимо будет пройти Посвящение Любовью, проникнуться состраданием к важнейшей роли мужчин в утверждении Царства Небесного на Земле. К встрече с Богом важно готовиться каждое мгновение, но когда она случится – никто не знает. Важно быть готовой.

Мария восторженно слушала волшебные слова Ангела, которые были для неё такими вдохновительно-родными и естественными, что не вызывали ни удивления, ни напряжения. Ангел говорил то, что она каким-то образом знала с рождения.

– Я пройду все испытания, всё выдержу. Но...

– Спрашивай, мы с тобой не скоро увидимся вновь. И теперь, когда знаешь о встрече, важно самостоятельно преодолеть пороги и трудности Пути, чтобы закалить сердце, чтобы смогла очувствовать беспредельность мира. Несмотря на то, что мы не будем общаться во сне, всегда буду помогать и приходить на помощь, как только позовёшь... Но что волнует сейчас, что спросить хотела?

– Как я узнаю Бога?

– О, Любимая! Когда встреча состоится, удивишься наивности своего вопроса. Бога не надо узнавать. Бог однозначен безмерностью, и перепутать невозможно.

Ангел задумчиво улыбнулся и вдруг предложил:

– Ну что, Любимая Мария, потанцуем?

Они кружились всё оставшееся время сна... Ангел больше не приходил к ней, но часто она чувствовала на себе его

взгляд и ощущала незримую поддержку.

Вскоре Мария ушла от мужа. Тем более, что он не только не возражал, но как будто был рад такому развитию событий: его пугали перемены, произошедшие с женой. Особенно с того момента, как однажды он по привычке попытался ударить её, но Мария так на него посмотрела, что рука буквально зависла в воздухе, а потом хлопнула его самого по голове. Он избивал сам себя до тех пор, пока без сил не повалился на пол. Муж стал бояться Марии и, когда она сказала о своём решении, казалось, с облегчением выдал ей в знак согласия на уход некоторое количество шекелей, позволивших купить Марии небольшой домик на окраине Иерусалима.

...Как-то на улице к ней пристал незнакомый мужчина. Она смогла трансформировать его агрессию в сострадательную беседу. Дома Мария напоила мужчину настоем из трав собственного приготовления, провела с ним обряд молитвы, влюбила его, и когда на утро он покидал её дом, перемены были столь разительными, что гость щедро вознаградил её:

– Не знаю кто ты, но сила твоя поразительна. Ты спасла мне жизнь! Вчера готов был умереть от безнадёжности, сегодня полон энергии жизни. Не знаю, как отблагодарить тебя. Мария, позволишь мне иногда возвращаться и наслаждаться беседой, ибо мудрость твоя безмерна?

Мужчина, его звали Ирод, приходил ещё несколько раз. Входя обессиленным, он прощался с женщиной полным вдохновения и радости. Однажды по рекомендации Ирода

она приняла его друга, потрясённого трагической гибелью любимой жены.

Общение Марии с мужчинами проходило на такой высокой ноте уважения к ней, к советам и рекомендациям по сложившимся ситуациям, что слава её росла не по дням, а по часам. Мужчины, которым она помогала, боготворили Марию. Их жены – проклинали, потому что не могли взять в толк: чем это она завлекает их суженых и каким зельем поит, после чего они молодеют и преполняются жизненной энергией?

Мария терпеливо познавала себя и через мужчин знакомилась с незнакомой субстанцией реальности – мужским мировоззрением. С одной стороны, большинство казались ограниченными, но чем больше она проникала в их сокровенные тайны и чем большее доверие вызывала у них, тем быстрее спадала пелена заблуждения. Мария была обескуражена своим открытием: мужчины примитивны настолько, насколько недополучают любви в детстве и потом не восстанавливают её запасы с любимыми женщинами.

Она любила каждого, кому покровительствовала, но особой любовью, близкой к сестринской. Мария помогала мужчинам почувствовать их силу, искренностью поддерживая откровенность. К моменту встречи с Иисусом на площади недалеко от базара она была независимой и свободной женщиной. Её познания жизни основывались на прожитом опыте. Тем не менее, Мария никогда не забывала предсказания Ангела о встрече и была полна уверенности ожидания, что

рано или поздно такая встреча обязательно состоится.

Сердце Марии было готово к Доверию, и принятие возможности иного уровня взаимопротекания с Любимым было абсолютным. Ей открылось знание о безмерности Любви, её всеисильности и цельности. Какой-то мистической техникой Мария была посвящена в Любовь как в единственно возможное пространство очеловечивания. Ей трудно было оформить это познание в слова, но доверяла ему безукоризненно. Она ждала. И свершилось чудо! В один прекрасный день встреча с Богом состоялась.

Глава 4. Четвёртое письмо Марии

*С трудом удерживаю Себя Здесь...
Проявляюсь внешним: словом, мыслью, движением...
Даже эйфорией... совсем неуклюже,
сложноОсознаваемо...
Потому что уже где-то Там...
Меня словно забирают в иные пространства...
И сегодня Твоё Слово
во время проповеди на площади,
словно распахивало двери за дверями Меня...
Увлекая по спирали к Себе...
Я, ждущая Себя...
Прожжённая Молитвой Твоей...
Окутанная Твоим Голосом...
Пронзённая благословением небес...
Олюбленная Ангелом-Мечтой...
И ничего не со-ображающая...
Внутри медленно начинает раскручиваться
Мой огненный столб...
Растворяя Меня в своей вибрации...
Трансформируя Меня в тотальность Вечности...
Отключая эмоции, чувства...
Только...
Движение и Покой...
Движение и Покой...
Движение и Покой...*

Тихо погружаюсь в глубины Себя...

Спасибо Тебе, Бог Мой...

В благоговейном трепете склоняюсь к Твоим Ногам...

Шумный и утомительный воскресный рынок был местом обязательного времяпрепровождения жителей Иерусалима, волшебного Города, величественно и таинственно созидającego собственную историю. Отдельные страницы её были легкомысленно переполнены человеческими страстями, но чаще Иерусалим доброжелательно и строго подчинял людей своему порядку, спланированному по благословению Господа. Город с момента основания обладал самостоятельной созидательной силой. Избранных Иерусалим допускал в свою тайну, большинство же влачили существование, подчиняясь ритму и музыке узких улочек, многочисленных синагог, крепостных стен, суете базаров и самостоятельной жизни небольших беленьких домиков, в которых ютилась большая часть жителей Вечного Города.

Соединяя многие торговые пути, он всегда притягивал как друзей, так и врагов. Но каждому, привлечённому обаянием фантастически нереальной уникальной реальности Иерусалима, воздавалось по заслугам. Несмотря на то, что с высоты сиюминутного человеческого разума справедливость часто представлялась или запоздалой, или непонятной, тем не менее, Город одних «казнил», других «миловал», оставляя право выбора перспективы за своим главным по-

кровителем – Господом.

В то таинственное утро первой встречи с Иисусом Мария и Израэль возвращались с базара. Израэль тихо, но проникновенно делилась своими проблемами взаимоотношений с поклонниками, когда Мария внезапно остановилась и замерла, не смея пошевелиться. Израэль по инерции прошла несколько шагов вперёд, и, оглянувшись, обнаружила отсутствие подруги рядом. Она с удивлением увидела её, застывшую в напряжённой позе за спинами небольшой группы людей:

– Что случилось?

Мария не ответила. Она тянулась на носочках, пытаясь поверх голов разглядеть оратора, громко и торжественно проповедующего что-то. Из-за шума на площади Израэль в первый момент не могла толком понять, о чём говорит человек, привлёкший внимание Марии. Затем она разобрала слова: Любовь, Царство Небесное, Справедливость, Фарисеи, Мессия... Ей было вполне достаточно услышанного, чтобы безошибочно определить очередного проходимца, привлекающего внимание толпы ради удовлетворения собственных амбиций:

– Что ты слушаешь? – попыталась Израэль образумить подругу, но та, будто загипнотизированная, жадно ловила каждое слово оратора. Казалось, что для неё в данную минуту не было ничего важнее. – Да что с тобой, родная? Ты никогда не видела «мессии», вещающего о «перспективе»? Ему бы

лопату в руки или метлу, чтобы польза какая. А болтать, развлекая бездельников... Я бы таких в тюрьму сажала, чтобы народ не баламутил... Что? – спросила она, поймав выразительный взгляд Марии, – разве я не права?

Мария не отвечала, но взмахом руки попросила её не отвлекать.

– Как хочешь. Не думала, что ты можешь попасться на сладкие речи всяких проходимцев, не желающих работать! Прощай! – Израэль ушла, расстроенная поведением лучшей подруги.

Но Марию в этот момент не интересовала реакция Израэль, как и всё, что было за пределами осязаемого. Что-то случилось, и знание о происходящем было для неё абсолютным, не подлежащим обсуждению.

Вдруг она ясно увидела знакомого Ангела, который завис над незнакомцем, одним крылом прикрывая оратора от лучей не по-утреннему палящего солнца, а вторым приветствуя Марию. Он улыбался и покровительственно качал головой. Но и без подсказки Любимого Друга за несколько мгновений до его чудесного явления среди Учеников, неплотной группой окружающих Учителя, Мария приняла Весть о чуде.

Она бы не смогла объяснить, что так поразило в этом, впервые встреченном ею человеке, какой смысл уловила в его непонятных словах. Всё было настолько не важно! За исключением самого факта возможности внимать Иисусу – так звали поразившего её воображение оратора, как

узнала Мария, расспросив других людей, слушающих его на площади. Никто толком не мог объяснить, кто он и зачем проповедует. Многие, посмеиваясь, уходили, другие задерживались и, вслушиваясь, невольно загорались чудесным огнём диковинных слов, которые слетали с уст оратора, как лёгкие яркие бабочки, волшебным разноцветьем сводившие с ума и увлекающие за пределы серого мира будней. Мария видела, как завроженно внимали Иисусу случайные прохожие, как на глазах таяла в толпе напряжённость, как мечтательной поволокой туманился взгляд слушателей, прозревающих, как и она, глубиной и красотой слова Учителя.

Он не просто говорил! Иисус раскрашивал реальность, омузыканивая пустоту пространства одному ему ведомой восхитительной мелодией. Мария чувствовала, как звуки голоса обволакивали её, очаровывая совершенством гармонии. Но самой удивительной была реакция сердца, замирающего в немом восторге непривычного танца.

Мария не могла ошибиться! Оратор был именно тем человеком, появление которого предсказывал Ангел во время их последних встреч. Но в самых смелых мечтах она не могла себе представить подобного потрясения словом, взглядом, жестом... Захотелось прикоснуться к Иисусу, убедиться в реальности происходящего, однако, здравый смысл возобладал над желанием...

В последующие дни Марию не покидало вдохновение от встречи. На крыльях воображения она без особого труда

вновь и вновь возвращалась на рыночную площадь, проживая каждый раз заново вдохновение от случившегося. В какой-то момент вдруг пришло предчувствие глобальных перемен, и она откликнулась готовностью принять испытания всем сердцем.

Мария продала домик и уехала из Иерусалима. Она поселилась в Еммаусе, но соседи практически не видели её. Мария редко выходила из своего жилища и старалась как можно реже общаться с посторонними. Она молилась и ждала.

Несколько раз во сне к ней приходил Иисус, ласково гладил по голове, говорил неразборчивые слова, манил за собой, но как ни старалась она тянуться навстречу – не могла перехватить его рук. В молитве Мария обращалась за помощью к Любимому Ангелу, чтобы подсказал, поддержал, указал путь. Но тщетно.

Однажды во время молитвы пришла Женщина.

– Что ты хочешь? – ласково спросила Она.

– Не знаю! – искренне призналась Мария.

– Что же может случиться, если не веришь? Как возможно помочь тебе преодолеть сомнения, вдохновить на новую встречу с Ним?

– С Иисусом? – удивилась Мария.

Женщина ответила не сразу. Она рассматривала собеседницу, источая спокойствие и уверенность. Затем, чуть прищурившись, покачала головой. Мария преполнилась торжественной радостью сопричастия:

– Кто Ты?

– Я – Ты! Та, в которой растворишься потом. Та, из которой пришла. Я – Ты, которая Всё!

Голос Женщины, звучащий из сердца Марии, был родным и благословительным. Понимания не требовалось, принятие было тотальным. На одно мгновение мелькнула мысль о нереальности происходящего, но тут же растворилась в неопровержимой естественности собеседования.

Женщина чуть помолчала, потом продолжила:

– Иисус также от Меня, из Меня, Я! И так же, как и Ты, пришёл явить людям Солнце!

– Как и я? – тихо переспросила Мария, для которой сравнение с Иисусом показалось невыносимым.

– Как и Ты! – подтвердила Женщина.

Мария слышала непривычный тон, словно тысячи цикад одновременно затеяли соревнование, кто выше и громче споёт свою песню. В то же время звон не отвлекал, украшая собеседование пронзительностью интимности.

За окном комнаты залаяла собака. Не успела она умолкнуть, как в соседнем доме закукарекал петух, приветствуя солнце. Утро по-хозяйски неторопливо принимало дежурство у ночи. Сквозь молитвенность Мария примечала нюансы рассвета, хотя в эту минуту ничто не могло помешать её сосредоточенному состоянию.

«Как и я! Он, как и я! Но что я? Как я? Почему я?» – вопросы проносились в голове один за другим, не задержива-

ясь и не тревожа. Странно, но сказанное Женщиной не стало для Марии открытием. Ей озвучили Весть, и она приняла её легко и свободно, потому что Знала об их единости с Иисусом. И, не перегружая себя размышлениями, просто ждала, жаждая всем сердцем новой встречи.

– Ты хочешь о чём-то спросить Меня? – вдруг поинтересовалась Женщина.

– Да, хочу. Мне кажется, я теряю время... Не знаю, что делать?

– Ничего не делать. Всё случится вовремя.

– Как случится?

– Ты же сказала, что знаешь об общем пути с Иисусом?

– Сказала?

– Подумала или оформила в слово – в Молитве нет разницы. Важно твоё подтверждение сокровенного. Поэтому, как? – не вопрос. И есть лишь один ключ успеха у человека... Знаешь, какой? – Любовь!

– Любовь... – повторила вслед за Женщиной Мария.

– Да, родная... Тебе нести Весть о Любви Иисусу. Сердце подскажет слова. И как только будешь готова, и он будет готов – вы встретитесь. Чтобы вместе идти в Дальше!

– Каким насладительным ароматом струятся Твои слова, как долгожданно всё, о чём говоришь!.. Крылья Любви тянут меня ввысь, за облака, в бездонность... Радость переполняет, согревая душу... Но Кто Ты? Как молиться Тебе? Где искать Тебя?

– Меня не надо искать – Я всегда Есть. В каждом. Я – дающая Жизнь, Я – пахтающая Перспективу. Кто-то слышит Мой зов, кто-то спит... Но Ты... Мария, Любимая... Иисус нуждается в твоей помощи, поддержке, Любви! Ты для ЭТОГО! Чтобы Любить, быть Любовью, растворяясь в Моих Потоках и ореаливая Весть... Весть о Любви!

– Но как мне молиться, каким Именем благословляться?

– Матерь Мира Мне Имя.

– Матерь Мира!.. – торжественно повторила Мария.

Неземная Сила обняла её, волной прокатилась по телу, воспламеняя Сердце. Огонь прожигал, уничтожая прожитое, стирая память и вдохновляя. Хотелось петь, танцевать, выбежать на улицу и всем рассказать о Любви, о Перспективе... Глубокий вздох предшествовал крику. Она прощалась со вчерашней собой, рождаясь новейшей. Мария закричала и упала без чувств.

Глава 5. Пятое письмо Марии

Любимый...

Какими мерами измерить Благодарность Мою?..

Какими глубинами исчислить Доверие Моё?..

Какими словами выразить Любовь Мою?..

К Тебе, Родной Мой...

Слова теряют всякий смысл,

лишь звуком губ моих касаясь...

Наполнюсь Трепетом Священным...

Пропитаюсь Светом Лучистым...

Нальюсь Нектаром Любовным...

И...

Опьяню Мир С собой... Своим...

Цветением...

Ароматом...

Музыкой...

Перетекаю...

Сердце в Сердце...

Растекаюсь в Тебе, по Тебе...

Заполняя всего Тебя Собою...

Исчезаю в Потоке Любовном...

Проявляя Себя Любовью...

Любовь проявляя Собою...

Я Люблю Тебя, Господи...

Солнце ещё не коснулось Иерусалима утренними лучами, ночная тишина медленно отступала, покоряясь власти рассветных шорохов, возбуждённого кукареканья, лая, мяуканья, звука шагов первых прохожих и других признаков жизни. Неожиданным сегодня был запах свежести дождя, барабанившего всю ночь по крыше и баюкающего монотонной песней жителей Города.

Новый день нёс радость и тревогу, сомнения и поцелуи, рождение и смерть. Справедливость реализации желаний с точки зрения большинства иудеев была весьма относительной, но кто мог осмелиться выразить претензии вслух? Большинство надеялось на снисходительность Бога в отношении своих перспектив, рассчитывая вымолить избранность. Редкие проклятия в адрес Всевышнего, малозначащие и характеризующие больше временное настроение, чем окончательный разрыв, трансформировались бытием вначале в грусть, а затем в ничего не значащие воспоминания.

Господу не было смысла гневаться на своих подопечных, и он терпеливо выжидал возвращения взбунтовавшихся, принимая Ответственность за собственное Творение. Тем более Ему-то точно некому было жаловаться, потому что подчиняясь законам Существования, Он Сам запланировал препятствия...

Зная о необходимости преодоления трудностей ради успешного эволюционного развития любимого детища, Бог

выставил терафимы на пути, каждый из которых дополнял последующий таким образом, чтобы те, кто не выходили на следующий этап, сходили с дистанции, в то время как счастливики получали возможность продолжать рождаться.

Время от времени важно было пополнять ряд источников энергии эволюции, для чего Господом направлялся на Землю Вестник. Самому Проводнику задача доводилась неконкретно и частями по той же причине: при успешном прохождении испытаний такой Посланник завоёвывал право защитить титул Исследователя и получал возможность выбора дальнейшей Перспективы. После возвращения с Земли можно было или продолжить помогать Господу контролировать и корректировать человечество, поднимаясь по иерархической лестнице, или отправиться в командировку на новую планету, формируемую для всечеловеческого переселения после исчерпания ресурсов Земли.

Иисус и был одним из таких Вестников. Мучительно продираясь сквозь сомнения в собственной избранности, он пытался выдернуть себя из трясины невежества, проигрывая раз за разом мужской самости. Попытка за попыткой не увенчались успехом. Ученики, первыми откликнувшиеся на идею, оказались неготовыми брать Ответственность за Перспективу, без чего нельзя вывести на дорогу осознанного Сотрудничества...

В какой-то момент Бог решил, что Им выставлена непо-

сильная для человека задача по корректировке сознания землян. Вернуть эксперимент в начало не представлялось реальным: Господь не мог отменять собственные Указы. Понимая, что Посланнику нужна срочная помощь, было принято решение отправить подмогу на Землю. А для того, чтобы не привлекать до поры до времени излишнего внимания к миссии Иисуса, новым Вестником стала Женщина, по имени Мария...

...Иисус открыл глаза. Тьма отступала, цепляясь за тени предметов. Где-то под полом шуршали мыши, за окном начинали свою заздравную песню птицы. За дверью, где спали Ученики, было тихо.

Вдруг, вспомнив о чём-то, он повернул голову и улыбнулся: рядом на циновке спала женщина. Она раскраснелась во сне, улыбаясь.

«Мария, – Иисус невольно залюбовался незнакомкой, – какое красивое имя, мамино...»

Непривычная нежность переполнила сердце, захотелось прикоснуться к этому чуду – Женщине, которая одним своим присутствием наполняла пространство комнаты спокойной уверенностью перспективы дня.

Первые лучи утреннего солнца пробились сквозь плотные занавеси, прикрывающие окна, концентрируясь самым необъяснимым образом вокруг Марии. Они будто проявляли очаровательный танец света, очерчивая пространство её пробуждения. Один из солнечных зайчиков скользнул

по лицу спящей женщины. Мария смешно по-детски чихнула и проснулась.

Несколько мгновений она недоуменно вглядывалась в незнакомую обстановку, затем встревожено повернула голову к Иисусу, и, увидев, что он приветствует её пробуждение улыбкой, смутилась. Она по-девичьи потянула одеяло до подбородка, словно прячась за тонкой материей, и поздоровалась.

– Доброе утро! – ответил Иисус, продолжая улыбаться.

В его взгляде было столько неподдельного невинного восхищения, что смущение Марии растворилось, уступая место торжественному трепету радостного возбуждения.

Любимый был рядом!

Сам факт пребывания с Иисусом в одном пространстве комнаты был для неё несбыточным чудом.

Вчерашний поздний визит, явившийся следствием отчаянной попытки преодолеть сомнения и изменить жизнь, выпил силы. И когда Иисус предложил остаться на ночлег, она, не пытаясь ни анализировать, ни радоваться, заснула, как только Иуда приготовил постель.

– Ты проголодалась? – ласково поинтересовался Иисус.

– Спасибо, не очень. Я могу потерпеть... Не хочу, чтобы вы из-за меня ломали свои привычки.

– Хорошо! Тогда умываемся и... Хочешь присоединиться к утренней Молитве?

– Неужели возможно?! – восхищённо спросила Мария.

– Почему нет, Любимая? Тебя не смущает моё обращение? Мы друг друга зовём Любимыми... Нет? Отлично, родная! Я выйду, ты сможешь одеться.

Глава 6. Шестое письмо Марии

Господи...

Любимый Мой...

Единственный...

РасСвет Мой...

Музыка Сердца Моего...

Как... Как... Как...

Не озвучить словами,

не передать ни эмоциями, ни чувствами...

Не выплакать слезами,

не выразить взглядом...

*Ибо вне эмоций, над чувствами, за словами,
сверх слёз, глубже взгляда...*

Моя Благодарность Тебе, Любимый...

*Я лежала алмазом в иле предрассудков,
зашоренная условностями «надо», «можно», «нельзя»,
«хорошо», «плохо»...*

Задыхаясь, погибая,

чувствуя вопиющее несоответствие себя и Себя...

*Зная Себе цену бесЦенную и чувствуя смертельную
невозможность Проявиться...*

Ты Мой Божественный Путник, проходивший мимо...

Увидел... поднял... вытер платком... сказал:

«О, из этого алмаза супер бриллиант получится!»

*Доверие Моё к Тебе безгранично...
Любовь к Тебе беспредельна...*

*Ты даже не представляешь, как Люблю...
Потому что сама до конца не могу представить...
Ибо непредставляемо...*

*Я так благодарна Тебе...
За Твою потрясающую, удивительную,
благословительную Работу надо мной...
Работу Учителя...
Работу Мастера...
Работу Бога...
Оцеловываю каждую букву Твоих громов и молний...
ОЛюбливаю каждый звук Слова Твоего...
И...*

*Спасибо.
Спасибо.
Спасибо.*

Осень чаще и чаще напоминала о себе ветром с пустыни, поднимающим пыль, оседающую на зубах неприятным привкусом песка, рваными низкими облаками, то и дело прорывающимися холодным дождём. Темнело рано, а солнце не показывалось по несколько дней подряд.

Обычные для этого времени года грусть и тоска съедали

остатки вдохновительного настроения. Люди улыбались реже и с ностальгией вспоминали лето, опрометчиво полагая, что именно прошедшим летом были счастливы. Между тем как месяц назад так же они ругали жару, считая её невыносимой. Что поделать, когда человек редко умеет радоваться настоящему, пребывая в иллюзии возможности счастья, где угодно и с кем бы то ни было, только не сейчас и не с ним. Возможно ли переубедить сомневающихся в собственном бессилии, вдохновить на танец жизни безногих, научить петь не имеющих слуха, увлечь красками закатного солнца слепых?

Прошёл месяц с того момента, когда Мария пришла к Иисусу, отчаянно и бесповоротно принимая новейшую реальность, – тяжёлый месяц адаптации и ностальгии. Нет, не по прошлому, – память как стёрлась, навсегда уничтожив бывшие связи и переживания. Рядом с Любимым Учителем она почувствовала в какой-то миг страдание по будущему. То, что она слышала, наблюдая собеседования с Учениками и участвуя в разговорах со случайными слушателями на улицах и площадях, приводило сердце в божественный трепет сопричастности. То, о чём говорил Иисус, было настолько понятным и естественным, что Мария недоумевала – каким образом можно не понять слов, не открыть глаза и не увидеть Перспективы, не довериться, отдавшись тотально его звезде?

Она не чувствовала доброжелательности со стороны Учеников. С первого дня Мария ловила на себе злобные взгляды

Петра, посчитавшего несправедливым её особое положение. Иисус не скрывал расположения к Ученице-Женщине. Более того, только Марии было позволено спать с ним в комнате, что делало её ученичество и неповторимым, и недоступным никому иному.

Иуда старался поддерживать Марию, какой-то немислимой интуицией принимая её исключительную предназначенность. Конечно, он ревновал, не мог не ревновать, но в отличие от других для Иуды важнее был душевный комфорт Учителя, и ради этого он готов был на всё. Ни разу не переговорив толком, словно подписав тайное соглашение не мешать друг другу ради спокойствия и вдохновительности Учителя, между Иудой и Марией, тем не менее, складывались отношения, в которые никто не был посвящён.

Она заболела состраданием. Её переживание за Любимого неопишимо раскаляло сердце болью сопереживания. Мария чувствовала его безумную усталость. Тотальное невежество окружающих причиняло боль, расстраивало и стрессовало, лишая радости. Необузданные амбиции Учеников опустошали. Но Иисус был ровен в общении и, ободряя других, искренне делился своими переживаниями и Знанием. Его естественность и открытость восхищали и тревожили. Мария понимала каким напряжением давалась эта лёгкость, но была слаба, чтобы наполнить Любимого силой, которую знала за собой.

Знание ощущалось всегда, но только сейчас, рядом

с Иисусом, вскрылось пространство востребованности. И состояние раздвоенности, когда слабость и нерешительность защитить непостижимым образом уравнивались уверенностью в важности подпитки Учителя первоисточниковой сопричастностью, угнетало неопределённостью. Спасала Перспектива, где их единость с Любимым ощущалась необыкновенно полно.

Однажды после вечерней медитации Иисус пригласил Иуду и Марию в свою комнату и сообщил, что собирается на днях отправиться в горы к Учителю, ожидающему его. Мария впервые слышала об Учителе Иисуса. Её нескрываемое удивление не осталось незамеченным, и Иуда, улыбнувшись, сказал, что волноваться нет причин, и что они раньше были там несколько раз.

Мария спросила:

– Вы опять пойдёте вместе?

– Нет, на этот раз я хочу, чтобы ты пошла с нами, – ответил Иисус.

Иуда предложил, чтобы в целях безопасности Мария переделалась в мужское платье. Решили называть её во время путешествия при чужих Лукой.

Не задумываясь, она тотчас согласилась принять участие в походе, легко принимая все тяготы неизбежных испытаний на пути. Быть рядом с Любимым для неё было так же естественно, как дышать.

Решили выходить через три дня: необходимо было подго-

товиться к путешествию и согласовать с Учениками время встречи. Иуда предложил попросить всех отправиться по домам с целью самостоятельного обучения проповедям среди родных и близких.

Утром следующего дня, после завтрака, Иисус обратился к Ученикам:

– Любимые! Хочу сказать вам огромное спасибо за терпимость и мужество преодоления пути. Знаю, как непросто даётся каждая ступень восхождения к истокам, но без вашей помощи я не смог бы делать Свою Работу, ради которой Пришёл, ради которой всё. Не удивляйся, Иоанн, помощь каждого из вас неоценима для меня! Чтобы я делал без твоего брата Иакова, без Петра, без тебя, Андрей, без всех остальных, разделивших со мной и хлеб, и Слово. Я Люблю вас и хочу, чтобы вы это всегда знали... Через несколько дней я должен буду вас покинуть ненадолго, мне предстоит важное свидание с Отцом Моим. Он давно зовёт Меня на Высокое Собеседование, но я прежде не мог собраться. Последнее время определяло вехи нашей Работы, и мне было важно прийти на встречу с Господом с конкретными делами и вопросами.

– Можно нам пойти вместе с Тобой? – спросил Пётр.

– Я смогу взять с собой только двоих – Иуду и Марию.

– Но почему Иуда?! Почему Мария?! – воскликнул Филипп.

Его голос дрогнул, и показалось, что он может заплакать от обиды, словно ребёнок.

Иисус улыбнулся:

– Высокое Собеседование требует тотальной Тишины Меня. В течение некоторого периода времени мне будет трудно и говорить, и объяснять. Не думаю, что моё испытание должно быть разделено вами.

– Но почему Иуде возможно? Зачем Мария при Твоём Собеседовании с Отцом Небесным, Учитель? – спросил вслед за Филиппом Варфоломей.

– Мне предстоит длинный путь, и никто лучше Иуды не знает дороги. Он необходим мне как физический проводник. Или я ошибаюсь, и кто-то из вас знает куда идти?

Иисус спокойно обвёл взглядом всех Учеников, задерживаясь на мгновение на каждом. Большинство из них склонили головы, демонстрируя покорную неготовность ответить на вопрос Учителя.

– Поэтому Иуда, – продолжил тихо Иисус. – А Мария...

Он поднял глаза, и, глядя куда-то поверх голов, будто считывая слова из пространства, одному ему ведомого, продолжил после непродолжительного молчания:

– Мария должна пройти Посвящение. И мне эта работа не под силу.

В комнате установилась пронзительная тишина.

– Женщина вне познания. Она владеет способностями, изучение которых человечеству только предстоит. Я знаю, что должен привести её к Порогу, и знаю, что так хочет Мой Отец. Но мне неизвестно, о чём Он хочет говорить с ней, с Ма-

рией. Она согласилась разделить испытания нашего похода, за что ей огромная благодарность. Потому что это не простая прогулка, но путь, связанный с целым каскадом препятствий. Иуда и Мария утверждены Господом, и не в моих силах изменять или отменять это Решение.

Иисус замолчал, прикрыв глаза и чуть заметно раскачиваясь. Иуда рассматривал что-то на потолке. Пётр исподлобья смотрел на Учителя, словно не решался произнести свой вопрос.

Мария наслаждалась торжественностью и спокойствием, с которыми Иисус беседовал с Учениками. Его умение обходить острые углы недопонимания, легко и уверенно трансформируя только-только зарождающееся раздражение во вдохновительное состояние благословительного сопереживания, не могли не восхищать. Она впервые услышала о необходимости прохождения Посвящения, и слова взволновали необычайно. Сердце отбивало неведомый ритм, разнося трепет по всему телу. Она точно плыла в пространстве, оставаясь неподвижной.

Иисус открыл глаза и улыбнулся.

Все оживлённо зашевелились. Фома закашлял, поперхнувшись, что вызвало смех. Напряжения как не бывало. Все заговорили одновременно, слов разобрать было невозможно. Каждый спешил высказаться, реабилитируясь перед Учителем за момент недоверия.

Вдруг общий шум перекрыл голос Петра:

– Учитель, а что всем нам делать во время твоего отсутствия? И как долго тебя не будет?

Иисус перестал улыбаться и спокойно, будто ожидая этого вопроса, ответил:

– Думаю, что было бы целесообразно каждому переждать у себя дома, используя время для проповеди родным, близким, знакомым... Как только вернёмся, вы получите весть от меня. Уверяю, что впереди значительно больше Работы, чем позади. Нам удалось донести первые слова Отца до многих, но это ещё такая малость... Отдохните дома, наберитесь сил в атмосфере любви и доверия и подготовьтесь к новым испытаниям. Принято, Любимые? – спросил тихо Иисус.

За всех ответил Пётр:

– Не волнуйся, Учитель. Как только пришлётся весть, мы будем тотчас. Не так ли, родные?

Каждый стал утвердительно демонстрировать согласие со словами Петра. Договорились, что все отправятся домой, как только Иуда, Мария и Иисус соберутся в путь.

Глава 7. Седьмое письмо Марии

Любимый Мой, Возлюбленный...

*Испытываю безмерную благодарность к Тебе
за теплоту и доверие.*

Только теперь

*мною познана вся глубина
восхитительного слова Люблю.*

*Раньше, когда я не имела возможности
наслаждаться взглядом, касанием Любимого,
когда наивно полагала, что Любовь – нечто,
что приходит откуда-то...*

Когда ждала, жаждая Встречи с Тобой...

Я не знала, что когда Любишь —

мир растворяется в Поцелуе...

Прорастаю Светом Любви из звука Голоса Твоего...

*Сколько в них перевозданной Мудрости,
неисказённой псевдосмыслами...*

*Как естественно перетекание Слова Твоего
в пространство Моего Сердца...*

Господи...

Всё звучит Любовью... Мой Мир наполняется Богом...

оЧувствую Его Присутствие...

Свидетельствую Его Собой...

Пылающей Чашей —

зажжённому алтарю Храма Моего...

Звуками вибрирующего Сердца, рождающего

Музыку божественной литургии Себя...

Себя-Женщины...

Себя-Любви...

*И всё внешнее отходит, растворяется, исчезает,
рассеивается дымкой тумана...*

Как нечто незначительное, наносное, искусственное...

И остаётся...

Что же остаётся? Что?

Мне так сложно оСловить это...

Остаётся... дуновение ветра от взмаха Крыльев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.